МАТРЕШКИНЫ СКАЗКИ

Семь сестёр и одна большая тайна

ЖОРА ХАРАКС

ЖОРА ХАРАКС

«Матрёшкины сказки. Семь сестёр и одна большая тайна»

«Автор»
2026

ХАРАКС Ж.

«Матрёшкины сказки. Семь сестёр и одна большая тайна» /
Ж. ХАРАКС — «Автор», 2026

Постучали в стену . Брат в ответ постучал пять раз.Ему ответили шестым. А утром Тея, Мия и их младший брат нашли на чердаке сундук, из которого доносились голоса.Внутри жили семь матрёшек. Властная Матрёна, непокорная Варвара, задумчивая Аксинья, смешливая Дуняша, хитрая Марфа, забывчивая Любаша и крошечная Искринка. Каждая хранила историю, о которой не решалась рассказать даже сёстрам.Но однажды Искринка исчезла. На лицах матрёшек проступил серый лак, в зеркале возникла девочка из прошлого, а на стене появилась восьмая тень. Кто хочет стереть их имена и заставить забыть, кем они были?У Теи, Мии и Барса всего семь ночей, чтобы разгадать тайну старой липы, отыскать Искринку и понять, почему самые большие матрёшки боятся потерять самую маленькую.И главное — что скрывается внутри той, которая, кажется, уже никого не может вместить?Когда речь о близких, маленьких не бывает.Волшебная история с приключениями, юмором и капелькой мистики — о семье, памяти и свободе быть собой.

© ХАРАКС Ж., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава Первая 6
Матрёна. Старшая всегда права 6
Глава Вторая 27
Варвара. Девушка из зеркала 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

ЖОРА ХАРАКС
«Матрёшкины сказки. Семь сестёр и одна большая тайна»

Тее, Мие и Барсу — трём маленьким исследователям большого мира, в котором даже самая маленькая Матрёшка может хранить самую большую тайну.

Глава Первая

Матрёна. Старшая всегда права

В старом доме кто-то умел считать до шести.

И это было очень странно.

Потому что Барс всегда стучал только пять раз.

Три коротких удара, два длинных.

Тук-тук-тук. Тук. Тук.

А из стены отвечали шестым.

Тук.

Первое время Барс радовался. Потом обижался. А на третий вечер не выдержал:

— Слышь, невидимка! Ты чего всё время одним стуком отделываешься? Я тебе пять, а ты мне один. Нечестный обмен!

Из стены ответили немедленно.

Тук.

— Опять! — возмутился Барс. — Хоть бы два для приличия!

Тея отложила книгу. Она была старшей сестрой и считала, что с неизвестными существами, особенно проживающими внутри стен, лучше не вступать в переговоры.

— Барс, перестань стучать.

— А чего это? Мы, может, знакомимся.

— С кем?

— Пока не представился.

Мия сидела на кровати и прислушивалась. Она была средней сестрой и давно привыкла, что старшая всё объясняет, младший обо всём спрашивает, а ей достаётся замечать то, на что другие не обращают внимания.

— Там кто-то есть, — тихо сказала она.

Тея вздохнула.

— Это старые доски.

— Нет. Доски скрипят, когда на них наступают. А эта отвечает.

Барс оживился:

— Вот! Мия дело говорит! Может, у нас домовой. Или привидение. Или домовитое привидение!

— Это ещё кто такой? — спросила Тея.

— Привидение с собственным жильём.

— У тебя, Барс, фантазия без прописки.

— Зато свободная!

Он снова поднёс кулак к стене.

— Эй, сосед! Если слышишь, стукни два раза!

Тишина.

— Ну вот, — сказала Тея. — Доволен?

— Погоди. Думает.

Барс постучал снова.

— Если ты добрый — один раз. Если злой — два. А если совсем вредный — три!

Сначала из стены донёсся один удар.

Потом ещё один.

А затем — третий.

Барс отступил.

— Ну и характер у тебя, дружище!

Тея хотела рассмеяться. Но Мия вдруг схватила её за руку.

— Тише.

— Что такое?

— Он не три раза постучал.

— А сколько?

— Четыре.

— Мия, мы все слышали три.

— Последний был совсем тихий. Сверху.

Дети подняли головы.

Над ними находился чердак. Тот самый, куда взрослые давно собирались подняться, чтобы разобрать старые вещи, но всякий раз находили дела поважнее.

— Там мыши, — уверенно сказала Тея.

— Мыши стучать умеют? — спросил Барс.

— Если что-нибудь уронят.

— Тогда у них там целая столярная мастерская.

Мия всё ещё прислушивалась.

— Знаете, что странно? Когда мы замолчали, последний стук повторился. Сам по себе.

— И что? — спросила Тея.

— Значит, не нам отвечали. Кто-то сам просит, чтобы ему ответили.

В эту минуту наверху что-то тяжело вздохнуло. Не скрипнуло, не зашуршало — именно вздохнуло. Долго, устало, по-человечески.

Тея закрыла книгу. Барс перестал улыбаться.

— Кажется, — прошептала Мия, — он очень давно кого-то ждёт.

* * *

Наутро Барс объявил, что намерен провести научную экспедицию.

— Куда? — спросила Тея.

— На чердак.

— Зачем?

— Установить личность стучащего гражданина.

— А если там крысы?

— Проведём переговоры.

— А если привидение?

Барс задумался.

— Тогда переговоры проведёт Мия. Ты с ним лучше ладишь. Меня он пока только дразнит.

Тея покачала головой. Но спустя полчаса все трое уже стояли на чердаке.

Там пахло пылью, сухими травами и чем-то ещё — терпким, сладковатым, почти забытым.

Мия принюхалась.

— Липа.

— Какая липа? — спросила Тея.

— Дерево. Только будто его недавно пилили.

Барс огляделся.

— Ну, если привидение тут столярничает, пусть сначала покажет документы.

В глубине чердака, за сломанной прялкой и двумя стульями без сидений, стоял старый зелёный сундук. Его углы были обиты потемневшей медью. На крышке виднелась красная птица, которую время превратило в сердитую курицу.

— Сокровища! — объявил Барс.

— Сначала посмотрим, — сказала Тея.

— А чего смотреть? Сундук старый? Старый. Значит, сокровища.

— Там может быть пыль.

— Золотая пыль тоже считается.

Мия уже присела возле крышки.

— Здесь щепка.

Возле замка лежала тонкая светлая стружка, совсем свежая, с золотистой крупинкой краски на конце. Она не успела потемнеть, хотя всё вокруг было покрыто многолетней пылью.

Тея подняла её.

— Странно. Откуда здесь свежая стружка?

— Может, кто-то вчера мастерил, — сказал Барс и наклонился к сундуку. — Сейчас спросим.

Он постучал по крышке.

Три раза коротко. Два — длинно.

Сундук молчал.

— Ну? — спросила Тея.

Барс развёл руками.

— Видно, ушёл на работу.

И тут изнутри донёсся шестой удар. Один. Тихий. Совсем рядом.

Мия отступила. Тея крепче сжала щепку. Барс, к собственному удивлению, впервые не нашёл что сказать.

Сундук вздохнул. Замок на крышке тихонько щёлкнул и приоткрылся, хотя никто его не трогал.

— Ну, раз приглашают, — прошептал Барс, — невежливо отказываться.

Тея осторожно подняла крышку. Внутри лежала старая шаль, пожелтевшие фотографии, жестяная коробочка из-под леденцов и свёрток в вышитом полотенце.

Барс немедленно потянулся к коробочке.

— Проверю припасы.

— Руки убери, — велела Тея.

— Я для общего дела.

— Вот и делай общее дело, а не ищи конфеты.

Мия развернула полотенце. Показалась круглая расписная голова в красном платке, с синими глазами и двумя одинаковыми румяными щеками.

— Матрёшка! — обрадовалась Мия.

— Большая, — заметил Барс.

— Очень старая, — сказала Тея.

У Матрёшки была широкая красная юбка с золотыми цветами. На одном цветке недоставало лепестка, возле левого глаза виднелась тонкая царапина.

— Надо её почистить, — решила Тея.

— Только водой не вздумай, голубушка!

Трое детей замерли.

Голос был женский, негромкий, но такой строгий, что Барс убрал руку из коробочки.

— Кто сказал? — спросила Тея.

— Я, разумеется. Не соседская же кошка!

Голос донёсся из Матрёшки.

Барс посмотрел на сестёр. Потом на Матрёшку. Потом снова на сестёр.

— Если она сейчас каши попросит, — предупредил он, — я на чердак больше ни ногой.

— И славно, — отозвалась Матрёшка. — Нечего чужие припасы без спросу проверять.

— А я и не проверяю!

— Тогда что у тебя рука в коробке делает? Гнездо вьёт?

— Я хотел убедиться, что там ничего опасного. Старые конфеты, например. Их надо немедленно уничтожать.

— Ишь, спаситель выискался! Ладно, живи пока.

Мия прыснула. Тея первая справилась с удивлением.

— Простите, а как вас зовут?

— Матрёна.

— А почему вы разговариваете?

— Вот так раз! А ты почему?

— Потому что я человек.

— Поздравляю. Достижение немалое. Только, гляжу, ещё не окончательное.

Барс захихикал.

— Я хотела спросить, — с достоинством сказала Тея, — как деревянная игрушка может говорить.

— А я хотела бы знать, как человек может задавать столько вопросов, ещё ничего не выяснив.

Мия наклонилась к Матрёшке.

— А вы одна?

Матрёна выпрямилась — насколько это вообще удаётся деревянной кукле без шеи и с плоским донцем.

— Одна? Типун тебе на язык! Я старшая.

— У вас есть дети?

— Ещё чего не хватало! У меня сёстры. И хлопот с ними побольше, чем с целым детским садом.

— Где же они?

— Где положено.

— А где положено?

— Внутри меня.

Барс задумался.

— Вы их съели?

— Господи помилуй! Молодой человек, что у тебя в голове?

— Пока не знаю. Тея говорит, что ветер.

— И ведь не спорит никто, — заметила Матрёна.

Мия засмеялась.

— Открывай, — попросила она Тею.

— Только бережно, — предупредила Матрёна. — Не хватало ещё, чтобы вы мне семейство растрясли! И порядок соблюдайте. Без порядка, милые мои, даже чайник закипеть толком не умеет.

— Почему? — спросил Барс.

— Потому что крышку потеряет!

Тея взяла Матрёну обеими руками и разъединила половинки.

Внутри сидела вторая Матрёшка — синяя, с золотыми цветами и таким независимым видом, будто её застали за делом, которое она давно собиралась совершить и нисколько об этом не жалела.

— Ну наконец-то! — воскликнула она. — Ещё бы денёк — и я от наставлений мхом покрылась!

— Варвара! — возмутилась Матрёна.

— Чего «Варвара»? Ты даже внутри себя ухитряешься всеми командовать.

— Я порядок соблюдаю.

— Порядок у тебя такой, что и мышь без письменного разрешения не чихнёт!

За Варварой появилась зелёная Аксинья. Она огляделась и тихо сказала:

— Воздух другой.

— Это потому, что нас открыли, — объяснила Тея.

— Нет, — ответила Аксинья. — Дерево здесь старое. И о чём-то тревожится.

— Только не начинай, — попросила Варвара. — Мы едва выбрались, а ты уже с табуретками беседы ведёшь.

Затем вышла румяная Дуняша.

— Ах ты ж, матушки мои! Свет белый! Люди добрые! А зеркало где? Я столько лет в темноте просидела, небось румянец на подбородок съехал.

— У тебя румянец нарисованный, — сказала Варвара.

— Вот потому и беспокоюсь. Нарисованное само не поправится.

Пятая Матрёшка, фиолетовая Марфа, объявила с порога:

— Между прочим, я однажды царю советы давала. Так он после этого три дня спать не мог.

— Какому царю? — спросила Мия.

— Да разве их всех упомнишь? Цари-то так и мелькали: один корону потеряет, другой государство.

— Врёшь, — сказала Варвара.

— Не вру, а действительность украшаю. Разницу понимать надо!

Шестая, золотистая Любаша, долго рассматривала всех и наконец спросила:

— Ой, голубчики, а где это мы?

— Нас открыли, — объяснила Аксинья.

— Ах да! А кто?

— Люди.

— Какие славные! А давно они здесь живут?

— Ты у них спроси.

Любаша ласково улыбнулась детям.

— А я уж спрашивала?

Матрёна тяжело вздохнула.

— Вот потому-то я и предпочитаю всех держать внутри. Там хоть знаешь, кто где сидит.

Последней оказалась крохотная красная Матрёшка, не больше большого пальца Теи. На её платочке сияла маленькая золотая точка.

— А это Искринка, — сказала Матрёна, сразу смягчив голос. — Наша самая маленькая. Хрупкая, как яичная скорлупка. Не уроните, не продуйте, не потеряйте.

— Я сама могу представиться, — возразила Искринка.

— Конечно, можешь, солнышко.

— Тогда почему ты всегда делаешь это за меня?

Матрёна открыла рот. Закрыла.

— Потому что ты маленькая.

— Я маленькая, а не безъязыкая.

— Вот-вот! — воскликнул Барс. — И я то же самое говорю!

Искринка повернулась к нему.

— А ты кто такой?

— Барс.

— Как зверь?

— Покруче зверя.

— Чем же?

— У зверя нет двух сестёр, которые ему всё запрещают.

— А я младшая из семерых, — сказала Искринка. — Представляешь, сколько у меня начальства?

Барс присвистнул.

— Шестеро? Да это целое министерство!

— Причём без выходных.

Искринка засмеялась. Звук был тоненький, словно кто-то тронул ногтем хрустальный колокольчик.

В ту же секунду в глубине сундука что-то ответило.

Тук.

Тук-тук.

Все Матрёшки замолчали. Даже Варвара.

* * *

К вечеру дети перенесли сундук в комнату с большим окном. Взрослые, занятые своими делами внизу, решили, что дети нашли старые игрушки и устраивают выставку. Они только попросили ничего не ломать.

— Потом можно будет спросить музей, как их правильно хранить, — сказала Тея, расправляя полотенце. — Там за стеклом ни пыль не сядет, ни Барс не уронит.

— Я вообще-то не стихийное бедствие, — возразил Барс.

— А их спросим? — тихо сказала Мия. — Вдруг они не захотят за стекло?

Тея расставила Матрёшек по росту на подоконнике.

Семь расписных фигурок стояли одна возле другой и казались обыкновенными, пока не начинали разговаривать.

— Так, голубушки, слушайте сюда, — объявила Матрёна. — Устанавливаем порядок.

— Держите меня семеро, — простонала Варвара. — Сейчас будет устав на сто страниц.

— Первое. Никто не выходит из комнаты без моего разрешения.

— А на другую сторону подоконника можно?

— По необходимости.

— А просто так?

— Просто так у нас только неприятности случаются!

— Значит, сидим как селёдки в бочке?

— Селёдка, между прочим, рыба почтенная, — вмешалась Марфа. — Я одну знала. Весь океан переплыла.

— И где же она теперь? — спросила Дуняша.

— В бочке, конечно. Но с почестями!

Мия расхохоталась.

Матрёна постучала донцем.

— Второе. С посторонними не разговаривать.

— А дети? — спросила Любаша.

— Дети уже не посторонние.

— А кто они?

Матрёна посмотрела на Тею, Мию и Барса.

— Пока не решила.

— Значит, родственники, — заявила Марфа.

— Почему? — удивилась Мия.

— Потому что если тебя нашли в сундуке, от родства уже не отвертишься.

— Третье, — продолжала Матрёна, — никто не открывается без разрешения старшей.

— А свобода? — поинтересовалась Варвара.

— Свобода хороша там, где ею умеют пользоваться.

— А кто определяет, умеют или нет?

— Я.

— Ну прелесть какая! И думать не надо — за тебя уже подумали.

Тея неожиданно вмешалась:

— Вообще-то Матрёна права. Маленьких надо беречь.

Барс немедленно обиделся.

— Почему, когда говорят «маленьких», все смотрят на меня?

— Потому что ты младший.

— Ну и что? Я, между прочим, не стеклянный!

— Это ещё надо проверить, — сказала Тея.

— Ага! Сейчас молотком по голове стукнете и узнаете?

Мия сидела рядом с Искринкой.

— А тебе нравится, когда тебя всё время прячут?

— Когда страшно — нравится.

— А когда не страшно?

— Тогда я и сама спрятаться могу. Если захочу.

Мия задумалась.

— А сейчас страшно?

Искринка посмотрела за окно. Солнце почти скрылось. В стекле отражались семь ярких платочков.

— Пока нет.

— А потом?

Искринка промолчала.

Тея подошла закрыть окно.

— Вот умница, — одобрила Матрёна. — Сквозняки нам ни к чему. От сквозняков все беды.

— Дереву тоже? — спросил Барс.

— Особливо дереву!

— Почему?

— Потому что дерево должно помнить своё место.

Аксинья тихо заметила:

— Вообще-то дерево когда-то росло на улице.

— Аксинья, не умничай.

— Я не умничаю. Я вспоминаю.

Матрёна сделала вид, что не услышала.

* * *

Когда стемнело, Мия первая заметила тени.

Луна поднялась над крышей соседнего дома и заглянула в окно. Матрёшки стояли на подоконнике, а на противоположной стене вытянулись их тёмные силуэты.

Мия стала считать:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

Она нахмурилась. Пересчитала снова.

— Тея.

— Что?

— Сколько у нас Матрёшек?

— Семь.

— А теней?

Тея подняла голову.

На стене было восемь теней.

Семь — большие и маленькие, с широкими юбками и круглыми головами. Восьмая стояла немного в стороне. Совсем крошечная.

— Наверное, от пуговицы, — предположила Тея.

— Какой пуговицы? — спросил Барс.

— Не знаю. Какой-нибудь.

— Пуговица с головой? Это уже не пуговица. Это начальник пуговиц!

Тея подошла к стене.

Восьмая тень вдруг сделала маленький шаг.

Барс вскочил.

— Ага! Попалась, голубушка!

— Кто попался? — спросила Мия.

— Сейчас установим личность!

Он подбежал к стене и накрыл тень ладонью. Тень исчезла. Когда Барс убрал руку, её уже не было.

— Сбежала, зараза, — разочарованно сказал он. — Ишь какая шустрая!

— Барс! — одёрнула Тея.

— Что? Я её даже не обзывал. Это научное определение!

На подоконнике Матрёна стояла неподвижно.

Тея заметила, что румянец на одной её щеке стал бледнее.

— Вам плохо?

— Мне? С какой такой радости?

— Вы побелели.

— Пустяки. Свет такой.

— Раньше у вас щёки были одинаковые.

— А теперь, значит, мода изменилась.

Аксинья тихо сказала:

— Это не свет, Матрёна.

— Помолчи, милая.

— Дерево что-то вспомнило.

— Я сказала — помолчи.

И в этих словах было столько тревоги, что Аксинья действительно замолчала.

Мия всё ещё смотрела на пустую стену.

— Она двигалась сама.

— Кто? — спросила Тея.

— Тень.

— Может быть, нам показалось.

— Всем троим?

Барс поднял руку.

— Мне точно не показалось. Я видел, куда она шмыгнула.

— Куда?

Он показал на сундук.

— Туда. Только не внутрь, а под него.

Тея посмотрела. Под сундуком лежала обычная вечерняя тьма.

Она уже собиралась сказать, что ничего там нет, когда снизу донёсся знакомый стук.

Три коротких удара. Два длинных. И ещё один.

Одинокий.

— Вот тебе и пуговица, — прошептал Барс.

И на этот раз никто не засмеялся.

* * *

Перед сном Тея решила собрать Матрёшек.

— Вдруг ночью кто-нибудь упадёт?

— Вот! — немедленно поддержала Матрёна. — Разумная девочка. Сразу видно — старшая.

— Я не упаду, — сказала Варвара.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как упасть.

— Последний раз это было лет сто назад!

Матрёна прищурилась, но ничего не ответила.

Одна за другой сёстры стали занимать свои места. Только Искринка не спешила. Она стояла возле Мии и пристально смотрела на сундук.

— Ты чего притихла? — спросила Мия.

— Думаю.

— О чём?

— Как бы сделать так, чтобы никто не потерялся.

— Это просто. Нужно держаться вместе.

— Бывает, — сказала Искринка, — чтобы все остались вместе, кому-нибудь приходится уйти.

— Зачем?

— Чтобы найти дорогу обратно.

— А если не найдёт?

— Тогда остальные помогут.

Искринка сказала это так уверенно, словно уже всё решила. Она попросила позвать Тею.

— Скажи, Тея, ты секреты хранить умеешь?

— Умею.

— Крепко?

— Крепко.

— Даже от Матрёны?

Тея посмотрела на большую красную куклу. Та в третий раз объясняла Варваре правила поведения.

— Наверное.

— Тогда держи.

Возле Искринки лежал маленький сложенный листок. Тея прежде его не замечала. Бумага была старая, плотная, с пожелтевшими краями. На одной стороне стояли семь красных точек. А рядом — восьмая, бесцветная, обведённая тонкой чёрной линией.

— Что это значит?

— Не всё сразу, — ответила Искринка. — А то сказка раньше времени закончится.

— Ты сама нарисовала?

— Не всё.

Тея сложила бумажку.

— Зачем ты мне её даёшь?

Искринка долго молчала. Потом сказала:

— Если завтра меня не окажется, не верь, будто я потерялась.

Тея почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— А где ты будешь?

— Там, где меня должны услышать.

— Кто?

— Один очень одинокий.

— Кто он такой?

— Лучше бы тебе с ним не встречаться. Пока.

— Искринка, ты меня пугаешь.

Маленькая Матрёшка тихо рассмеялась.

— А ты не пугайся заранее. Заранее только варенье варят. Да и то не всегда удачно.

Тея невольно улыбнулась.

— Ты никому не скажешь? — попросила Искринка.

— Не скажу.

Тея ещё не знала, что иногда самое трудное обещание — не то, которое трудно выполнить. А то, которое потом страшно вспоминать.

* * *

Матрёшек сложили одну в другую. Последней внутрь Матрёны вошла Варвара.

— Ну вот, опять семейное заключение! — проворчала она.

— Семейное спокойствие, — поправила Матрёна.

— Спокойствие у тебя всегда начинается с того, что кто-нибудь должен помалкивать.

— И заканчивается тем, что ты ни на минуту не замолкаешь.

— Потому что нельзя же совсем без разговора. Можно отвыкнуть!

Матрёна закрылась. Тея положила её в сундук.

Барс настоял на собственной проверке безопасности. Он протянул через крышку тонкую красную нитку и завязал особым узлом, закрепив её концы так, чтобы при открытии крышки нить неизбежно порвалась.

— Готово! Мышь не проскочит, вор не проберётся, привидение застрянет.

— Как это привидение застрянет? — спросила Мия.

— На узле.

— Оно же бесплотное.

— Вот и посмотрим, насколько.

Тея осмотрела нитку.

— Только не затягивай слишком туго. Нам утром сундук открывать.

— Учёный человек всё предусмотрел, — заверил Барс. — Секретный узел номер один.

— А сколько у тебя секретных узлов?

— Пока один. Но начало положено.

Тея укрыла сундук шалью. Дети погасили свет.

В доме стихли голоса. Только за окном шуршал дождь.

Тея долго не могла уснуть. Она вспоминала Искринку, восемь теней и странный листок. Зачем маленькой Матрёшке понадобилось говорить о собственном исчезновении? И почему она сказала «завтра»?

Тея перевернулась на другой бок.

В темноте шевельнулась шаль.

Тея приподнялась. На сундуке никто не сидел, ничего не двигалось.

Тогда откуда шорох?

Снова три коротких удара. Два длинных.

Тея затаила дыхание. Послышался тоненький голос, не громче шелеста бумаги:

— Я помню.

Другой голос ответил:

— Тогда открой.

Потом что-то мягко скрипнуло, словно старая деревянная крышечка повернулась на давно забытом шарнире.

Тея вскочила и зажгла лампу.

Шаль лежала на прежнем месте. Красная нитка была цела. Сундук закрыт.

Она подошла и прислушалась.

Ни звука.

Тея коснулась крышки. Дерево было неожиданно холодным.

— Кто здесь? — прошептала она.

Никто не ответил.

Но из-под шали пахнуло свежей липовой стружкой. Так могло пахнуть в мастерской, где только что работал столяр, а не в сундуке, простоявшем на чердаке неизвестно сколько лет.

* * *

Утром Барс первым потребовал открыть сундук.

— Проверим, не задохнулись ли наши знакомые.

— Они деревянные, — сказала Тея.

— И что с того? Я, между прочим, не специалист по дыханию древесины!

Мия уже стояла рядом.

— Мне ночью снилось, что кто-то плакал.

— Кто? — спросила Тея.

— Не знаю. Очень маленький.

— Мышь? — предположил Барс.

— Мыши не так плачут.

— А ты откуда знаешь?

— Слышала.

Барс с уважением посмотрел на сестру.

— Ну, раз слышала, дело другое.

Тея вспомнила слова Искринки. Ей стало не по себе.

Барс торжественно осмотрел красную нитку.

— Узел цел. Ни одной посторонней лапы!

— Молодец, — сказала Тея.

— Не хвали раньше времени. Следствие только начинается!

Он разрезал нитку ножницами.

— Теперь можно открывать.

Матрёна лежала на дне сундука. Только левый румянец побледнел, а по платку протянулась тонкая серая полоска.

Тея взяла куклу.

— Доброе утро.

— Кому доброе, а кому — так себе, — ответила Матрёна.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему вы такая бледная?

— Недостаток отдыха.

— Вы же всю ночь отдыхали!

— Отдыхать, милая моя, тоже с умом надо. А тут то стучат, то шуршат, то неизвестно кто посреди ночи бродит. Ни сна, ни покоя.

Барс осторожно дотронулся до серой полоски. На пальце осталась пыль. Не чердачная, коричневатая — совершенно серая, почти серебряная.

— Эй-эй, молодой человек! — возмутилась Матрёна. — Это моё лицо, а не забор для опытов!

Тея разъединила её половинки.

Варвара выскочила наружу.

— Слава тебе, белый свет! А то я уж думала, нас до следующего столетия не выпустят!

— Варвара, не ворчи.

— Как же не ворчать? У нас там всю ночь кто-то ходил!

— Где? — спросила Мия.

— Внутри.

— Но там же все вы!

— Вот я и хочу узнать, кто из нас по ночам прогуливается!

Следом появилась встревоженная Аксинья. Потом Дуняша.

— Ох, красотки мои, если нас так каждую ночь будить станут, я скоро совсем цвет лица потеряю.

Она взглянула на Матрёну и замолчала.

Следом вышла Марфа. Потом Любаша.

— А где Искринка? — спросила Мия.

Матрёна ещё не успела ответить. Тея открыла Любашу.

Внутри было пусто.

Совершенно пусто.

На деревянном донышке лежала только щепотка серой пыли.

* * *

Сначала никто ничего не понял.

Мия осторожно заглянула внутрь Любаши.

— Может, спряталась?

— Куда? — спросил Барс.

— Не знаю.

— Так ты поглубже загляни!

Барс взял Любашу и потряс. Внутри тихо зашуршала пыль.

— Осторожнее, шалопай! — крикнула Матрёна.

— Я осторожно!

— Ты её сейчас пополам разломишь!

— Я Искринку ищу!

Матрёна замолчала.

Барс поставил Любашу на стол. Мия наклонилась над пустой деревянной половинкой.

— Искринка, выходи. Мы тебя не ругаем.

Ответа не было.

Тея перевернула сундук, вытряхнула шаль, осмотрела складки ткани, заглянула под стол, под кровать, за штору. Барс обследовал пол. Даже проверил собственные карманы.

— Ты чего там ищешь? — спросила Мия.

— Искринку.

— В своих карманах?

— А вдруг она случайно туда забралась?

— Ты же спал.

— Мало ли что человек во сне вытворяет! Я однажды проснулся — носок на руке.

Мия хотела засмеяться, но не смогла.

Искринки нигде не было.

— Ушла, — вдруг сказала Варвара.

Матрёна резко повернулась к ней.

— Что ты такое мелешь?

— Ушла. Сама. Я давно говорила: нельзя никого держать взаперти!

— Ты её подговорила!

— А вот и нет!

— Ты всегда хотела, чтобы она меня не слушалась!

— Я хотела, чтобы она сама решала, кого слушать!

— Вот и дорешалась!

Варвара шагнула вперёд.

— А ты, стало быть, у нас всегда права? Даже когда никого не слушаешь?

— Прекратите! — вмешалась Тея.

Обе замолчали.

Тея вдруг почувствовала себя очень похожей на Матрёну. Ей это не понравилось.

— Мы должны искать Искринку, а не ссориться.

— Я и ищу! — возразила Матрёна.

— Нет, — тихо сказала Мия. — Вы только ругаетесь.

Наступила тишина. Матрёна отвела глаза.

Тея опустилась на пол рядом с сундуком. Красная нитка лежала возле её колена. Она вспомнила ночной шорох: никто не открывал сундук, нитка осталась целой. Но Искринка исчезла.

Значит, случилось что-то, чего они пока не понимали. И это было куда страшнее простого похищения.

* * *

Час спустя комната напоминала место, где прошёл небольшой, но чрезвычайно старательный ураган.

Барс разобрал содержимое жестяной коробочки. Мия проверила карманы шали. Тея осмотрела сундук снаружи и изнутри.

Матрёшки стояли на столе.

Шесть.

Матрёна избегала смотреть на пустое место рядом с Любашей.

Аксинья прислушивалась к деревянным стенкам сундука.

— Он помнит, — сказала она наконец.

— Кто? — спросила Тея.

— Сундук.

— Чего помнит?

— Стук.

Барс оживился.

— Мой?

— Нет. Другой.

— А чей?

Аксинья положила ладонь на дерево.

— Здесь кто-то был.

— В сундуке?

— Не совсем.

— Как это — не совсем? Либо был, либо не был!

— Бывает по-другому. Вот ты во сне идёшь по комнате. А потом просыпаешься и понимаешь, что комната-то была внутри тебя.

Барс подумал.

— Мне такие сны не нравятся. Там вечно кухня неизвестно где.

— А ты бы хоть раз во сне не ел, — предложила Варвара.

— А зачем тогда спать?

Мия улыбнулась.

Тея заметила на внутреннем краю сундука ещё серой пыли. Она взяла чистую бумагу и осторожно собрала крупинки.

— Это улика.

Барс выпрямился.

— Ого! Настоящее расследование!

— Похоже.

— Чур, я главный сыщик!

— Почему ты?

— Потому что первым догадался про привидение. И вообще у меня нюх!

— На что? — спросила Мия.

— На загадки.

— А я думала, на конфеты.

— Одно другому не мешает!

Он написал на листе крупными буквами:

«ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ МАТРЁШКЕ».

Ниже добавил:

«ПОДОЗРЕВАЮТСЯ ВСЕ».

Мия посмотрела через его плечо.

— Даже ты?

Барс задумался, зачеркнул последнее слово и написал:

«ПОЧТИ ВСЕ».

— Так-то справедливее, — пояснил он.

* * *

Ближе к полудню случилось второе странное происшествие.

Матрёна перестала помнить лицо Искринки.

Сначала никто этого не заметил. Дуняша рассказывала, как однажды Искринка попыталась спрятаться в напёрстке и не смогла выбраться.

— Я ей тогда говорю: «Душа моя, не всякий дом по размеру подбирают!» А она из напёрстка пищит: «Зато крыша не протекает!»

Все улыбнулись. Даже Матрёна.

Но потом Марфа спросила:

— А какой у Искринки платочек был?

— Красненький, — ответила Любаша.

— С золотой точкой, — добавила Мия.

Матрёна нахмурилась.

— Нет. Кажется, синий.

— Красный, — сказала Варвара.

— Не спорь со мной.

— Да я не спорю! Глазами своими видела!

— Я лучше помню.

— Тогда какая у неё была точка на лбу?

Матрёна растерянно посмотрела на сестру.

— Какая ещё точка?

В комнате стало тихо.

— Золотая, — прошептала Мия. — Я сама видела.

— Может быть...

Матрёна закрыла глаза. Она попыталась вспомнить маленькое лицо: круглые щёки, глаза, красный платочек. Казалось, всё совсем рядом. Но стоило всмотреться, как лицо рассыпалось на неясные пятнышки краски.

Она помнила голос Искринки. Помнила её смех, её споры из-за маленьких прав.

А лица не было.

— Я... — начала Матрёна.

И замолчала.

Тея впервые увидела, как старшая Матрёшка испугалась. Не за порядок. Не за послушание. За то, что сама уже не могла удержать в памяти.

— Это из-за серой пыли? — спросила Мия.

Аксинья посмотрела на полоску возле глаза старшей сестры.

— Может, из-за неё. Только это не простая пыль.

— А какая? — спросил Барс.

— Чужая.

— Пыль чужая? Это уже что-то новенькое!

— Тише. Она будто чего-то дожидается.

Барс потянулся за тряпочкой.

— Так давайте её сотрём к чёртовой бабушке!

— Не трогай! — вскрикнула Матрёна.

Потом тише добавила:

— Пожалуйста.

Она никогда прежде не говорила «пожалуйста» таким голосом. Барс медленно убрал руку.

* * *

Тея достала из кармана бумажку Искринки. До этого она надеялась, что маленькая Матрёшка найдётся сама и никто не узнает об их разговоре. Но теперь молчать было нельзя.

— Она оставила мне это вчера.

Матрёна повернулась к ней.

— Что?

— Перед сном.

— Батюшки-светы! И ты молчала?

— Я обещала никому не говорить.

— А теперь говоришь?

— Теперь она исчезла.

Матрёна хотела возмутиться, но не смогла.

— Покажи, голубушка.

Тея развернула листок.

Семь красных точек. И одна пустая.

— Восемь, — прошептала Мия.

— Как теней! — воскликнул Барс.

Аксинья подошла ближе.

— Не восемь Матрёшек.

— А что?

— Семь красок. И одно место, которое не раскрасили.

Матрёна покачнулась.

— Вы знаете, что это значит? — спросила Тея.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Варвара приблизилась к старшей сестре.

— Матрёна.

— Чего тебе?

— Ты знаешь.

— Ничего я не знаю.

— Ну, это ты кому-нибудь другому расскажи.

Матрёна долго молчала. На улице зашумел ветер, где-то в доме хлопнула дверь.

— Когда нас сделали, — произнесла она наконец, — мастер Федот хотел остановиться на шести Матрёшках.

— Почему? — спросила Мия.

— Дерева почти не осталось. Но маленькая Надя нашла ещё одну щепочку, крохотную, с мизинчик. Принесла мастеру и говорит: «Папенька, а эту куда?» Он отвечает: «В стружки, доченька. Из такой крохи ничего не выйдет». А Надя упёрлась: «Сделай ещё одну сестрёнку!» Федот говорит: «Мала больно». А она ему: «Мала, да своя!»

— И он сделал Искринку? — спросил Барс.

— Сделал.

Матрёна опустила голову.

— Я была самой большой. Самой красивой. Мне полагалось хранить остальных. И, грешным делом, я этим гордилась.

Варвара фыркнула:

— Да уж. Мы заметили.

На сей раз Матрёна не ответила.

— Искринка была такая малюсенькая, что я боялась всего на свете. Что её потеряют, уронят, сломают, что она провалится между половицами или её выбросят вместе со стружкой.

Она помолчала.

— А однажды я сказала, что лучше бы Федот вовсе её не вырезал.

Мия ахнула.

— Вы правда так сказали?

— Сказала, чтоб мне пусто было.

— А она слышала?

Матрёна закрыла глаза.

— Слышала. Она тогда только засмеялась и говорит: «Ты можешь меня не любить. Но куда же ты денешься, если я уже есть?»

Матрёна попыталась улыбнуться. Не получилось.

— Я потом тысячу раз хотела попросить у неё прощения.

— А чего же не попросила? — спросил Барс.

— Потому что я старшая.

Барс пожал плечами.

— Ну и что с того?

Он стоял совершенно серьёзный.

— Я тоже младший. И если Тея на меня сердится, я всё равно знаю, что она меня любит.

Тея почувствовала неприятный укол. Вспомнила, как утром приказала Барсу не трогать вещи, как вчера запретила ему открывать сундук и как иногда даже не спрашивала, чего он хочет, потому что считала, будто заранее знает ответ.

— Я не всегда права, — неожиданно сказала она.

Барс изумился.

— Правда?

— Правда.

— Мия, ты слышала?

— Слышала.

— Запомни! Такой исторический случай нельзя забывать!

— Барс!

— А что? Я для семейной летописи!

Мия прыснула, Тея тоже рассмеялась. Даже Матрёна тихонько стукнула донцем. Но улыбка быстро исчезла.

— Не знаю я, как Искринку вернуть, — призналась она. — Хоть всю душу из дерева вынь — не знаю.

Для Матрёны это было труднее всех прежних признаний. Ведь старшая должна знать, уметь, защищать.

А она не сумела.

* * *

Вечером дети снова собрались возле сундука.

Тея сложила найденные улики в жестяную коробочку: серую пыль в бумажном свёртке, красную нить с целым узлом, стружку с золотой краской, найденную утром возле замка. Записку Искринки оставила перед собой.

Барс принёс лист с надписью «ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ МАТРЁШКЕ».

Под словом «ПОДОЗРЕВАЮТСЯ» он дописал:

«1. СЕРАЯ ПЫЛЬ.

2. ВОСЬМАЯ ТЕНЬ.

3. НЕИЗВЕСТНЫЙ СТУК».

— Пыль не может быть подозреваемой, — заметила Тея.

— Это ещё почему?

— Она не человек.

— И что? Искринка тоже не человек, однако пропала. Надо мыслить широко!

— Ладно. Пусть будет.

— Вот это другой разговор! С такой помощницей далеко пойдём.

— Я тебе не помощница!

— Тогда главный помощник. Мне не жалко.

Мия взяла красную нить.

— Если сундук был закрыт, Искринка не могла выйти через крышку.

— Верно, — подтвердил Барс.

— А если её никто не вынес...

— Значит, она могла уйти другим путём, — закончила Тея.

— Каким?

Все посмотрели на сундук. Тот стоял неподвижно.

Потом внутри что-то едва слышно хрустнуло.

Аксинья вздрогнула.

— Он просит не открывать его сегодня ночью.

— С какой стати? — спросила Варвара.

Аксинья прислушалась.

— Не говорит.

— Вот хитрец! — заметила Марфа. — Сундук с секретами, а объяснений с гулькин нос. У меня когда-то такой знакомый был.

— Кто? — спросила Дуняша.

— Шкаф.

— И что же с ним стало?

— Женился на комоде. С тех пор все секреты у супруги!

Дуняша рассмеялась, но остальные молчали.

Тея закрыла коробочку.

— Сегодня никто не будет спать один.

— Правильно, — одобрила Матрёна. — Всем вместе держаться надобно.

— Но никого запирать не будем, — добавила Тея.

Матрёна хотела возразить. Посмотрела на Варвару. Потом на пустое место рядом с Любашей.

И промолчала.

Это молчание оказалось началом чего-то нового.

* * *

Поздно вечером, когда остальные уже задремали, Матрёна попросила Варвару подойти.

— Послушай, сестрица.

— Ну, чего ещё? — отозвалась Варвара. — Опять правила?

— Мне твоя помощь нужна.

Варвара даже не сразу поняла сказанное.

— Моя?

— Твоя.

— Ты уверена?

— Варвара!

— Да я не спорю. Просто такого от тебя сроду не слыхивала.

Матрёна вздохнула.

— Ты ведь всегда наружу рвалась. Мир повидать, людей посмотреть.

— Хотела.

— И, кажется, однажды уже повидала.

Варвара застыла.

— Ты о чём?

— Не знаю я всего, что с тобой приключилось.

— Так зачем спрашиваешь?

— Потому что Искринка пропала. А ты единственная из нас умеешь уходить далеко.

Варвара опустила глаза.

— Умею. Только, знаешь, Матрёна... боязно.

— Тебе-то? Не смеши мои старые доски!

— Мне.

— Чего боишься?

— Не вернуться.

Матрёна не ожидала такого ответа. Ей всегда казалось, что Варвара ничего не боится. Та спорила, уходила, возвращалась, никогда не просила разрешения и никогда не признавалась, что страшно.

А теперь стояла рядом и смотрела в окно.

— Тогда возвращайся, — сказала Матрёна.

Варвара подняла голову.

— Чего?

— Что слышала. Куда бы ни отправилась, как бы далеко ни забралась — возвращайся.

— Это приказ?

Матрёна хотела сказать «да». Слово уже было готово — привычное, удобное, надёжное.

Вместо этого она произнесла:

— Нет, Варенька. Просьба.

Варвара долго молчала. Потом подошла и осторожно прикоснулась к старшей сестре расписным боком.

— Постараюсь, Матрёна. Уж ты не сомневайся.

* * *

Тея всё ещё не спала. Она сидела возле лампы и рассматривала записку Искринки.

Семь красных точек располагались полукругом. Восьмая, пустая, стояла в стороне.

Тея поднесла бумагу ближе к свету. Под верхней точкой будто проступали тонкие линии. Она перевернула лист. На обороте ничего не было.

Но когда лампа осветила бумагу сбоку, Тея увидела вдавленные буквы. Кто-то когда-то писал на листе, лежавшем сверху, и нажим пера оставил почти невидимый след.

Она взяла карандаш и осторожно провела грифелем по поверхности, стараясь не повредить бумагу.

Одна за другой появились буквы.

Мия подошла посмотреть.

— Что там?

— Пока не разберу. Почерк старинный.

Барс тоже проснулся и немедленно присоединился к расследованию.

— Ага! Тайное письмо! Дай я!

— Подожди.

— Да я только одним глазком!

— У тебя одним глазком никогда не получается.

— Это потому, что у меня оба любопытные.

Тея разобрала первые слова. Потом следующие.

И наконец прочитала вслух:

«Спросите Варвару, сколько ей лет на самом деле».

Мия удивлённо посмотрела на синюю Матрёшку.

Варвара стояла у окна. Обычно у неё на любой вопрос находилось по три ответа, и все три непременно с насмешкой.

Теперь она молчала.

— Варвара, — позвала Тея. — Вы знаете, кто это написал?

— Покажи.

Тея протянула листок. Варвара долго рассматривала старинные буквы.

— Откуда он у вас?

— Искринка оставила.

— Когда?

— Вчера вечером.

Варвара закрыла глаза.

— Ах ты ж, маленькая моя... Что же ты наделала?

— Что? — спросила Мия.

— Ничего. Пока ничего.

Матрёна встревожилась.

— Варвара, не темни. Нам и без тебя страхов хватает.

— Я не темню, Матрёна. Я вспоминаю.

— Чего?

— Того, что давным-давно поклялась забыть.

Тея шагнула ближе.

— Так сколько же вам лет?

Варвара посмотрела на неё. Потом на Мию. Потом на Барса.

— Когда я была молодой, — медленно произнесла она, — вашей прабабушки ещё и на свете не было.

Барс открыл рот.

— А разве Матрёшки бывают молодыми?

— Бывают, шалопай.

— И стареют?

— Не всегда.

— А ты?

Варвара не ответила.

Вместо неё ответило зеркало.

Тук-тук-тук.

Тук.

Тук.

И ещё один, шестой удар.

В комнате похолодало.

Старое зеркало висело напротив окна. Его рама потемнела от времени, по краям серебряного стекла расползлись мутные пятна.

Теперь они начали исчезать, одно за другим, будто кто-то протирал зеркало с обратной стороны.

— Тея... — прошептала Мия.

Дети повернулись.

В зеркале отражались они трое, стол, лампа и шесть Матрёшек.

Но позади них стояла ещё одна фигурка. Крохотная. В красном платочке, с золотой точкой на лбу.

— Искринка! — закричал Барс.

Он бросился к зеркалу.

— Стой! — неожиданно крикнула Варвара.

Барс замер.

Искринка приложила ладонь к стеклу. Её губы двигались, но слов никто не слышал.

— Она что-то говорит! — воскликнула Мия.

Тея наклонилась ближе.

— Искринка! Мы тебя ищем! Где ты?

Маленькая Матрёшка отчаянно замотала головой и указала куда-то за собственную спину.

И только теперь дети увидели: зеркало показывало вовсе не их комнату.

За Искринкой находилась другая — старинная, с высоким окном, тяжёлыми шторами и керосиновой лампой на столе.

Возле окна сидела девочка в белом платье. Лет восьми, не больше. Она держала синюю Матрёшку с золотыми цветами — точь-в-точь как Варвара.

— Это ещё что за представление? — пробормотал Барс.

Варвара медленно отступила. Её деревянное лицо застыло.

— Не может быть...

Девочка в зеркале подняла голову, посмотрела прямо на Варвару и улыбнулась.

— Мама, — сказала она.

Никто не пошевелился.

— Мама, — повторила девочка. — Ты ведь обещала вернуться.

Варвара покачнулась.

— Нет... Нет, милая...

— Ты опять уходишь?

— Я...

Впервые за всё время Варвара не смогла закончить фразу.

Тея подхватила её, чтобы та не упала.

— Кто это? — прошептала Мия.

Варвара смотрела в зеркало. В её глазах стояло такое горе, какого Тея ещё никогда не видела на деревянном лице.

— Моя девочка, — едва слышно ответила Варвара.

— Ваша дочь? — удивилась Тея.

Варвара кивнула.

Барс посмотрел на девочку в зеркале. Потом на Варвару.

— Так чего же ты стоишь? Иди к ней!

— Нельзя, Барс.

— Почему нельзя?

Варвара долго не отвечала.

— Потому что я потеряла её почти сто лет назад.
В этот миг маленькая Искринка в зеркале закрыла лицо ладонями.
А за спиной девочки в белом платье появилась ещё одна тень.
Высокая. Неподвижная. Совершенно без лица.
Она осторожно положила деревянную руку девочке на плечо.
— Ну что, Варвара, — произнёс незнакомый голос. — На этот раз ты за ней вернёшься?

Глава Вторая

Варвара. Девушка из зеркала

Зеркало спросило, вернётся ли Варвара за своей дочерью.

И в первый раз за всё время, что дети знали синюю Матрёшку, она не нашлась с ответом.

— Ну что, Варвара? — повторил безликий. — На этот раз ты за ней вернёшься?

Девочка в белом платье продолжала сидеть у окна. Она держала на коленях синюю деревянную куклу и смотрела на неё так, словно боялась моргнуть: вдруг исчезнет.

— Мамочка, — позвала она. — Я ждала.

Варвара шагнула к зеркалу.

У Матрёшек, между прочим, нет ног в человеческом смысле. Есть круглое донышко, а на нём, если очень постараться, можно покачнуться, повернуться или совершить нечто похожее на решительный шаг. Варвара всю жизнь считала это ужасно неудобным устройством.

Теперь она и не заметила, как добралась до края стола.

— Лидочка…

— Стой! — вскрикнула Тея, подхватывая её.

— Пусти, голубушка. Она там одна.

— Кто там одна? — спросил Барс. — Девочка? Так мы сейчас дверь найдём!

— В зеркало дверей не делают, — машинально заметила Тея.

— Смотря кто делает, — тихо сказала Мия.

Искринка по ту сторону стекла отчаянно махала крошечными руками. Но её не было слышно. Безликий наклонился к ней; маленькая красная точка на её платочке потускнела.

— Видишь? — спросил он Варвару. — Ты оставила одну девочку. Теперь оставишь другую?

Матрёна затряслась от негодования.

— Эй ты, неведомый! Детей не пугай! Не на ту семью напал!

— Семью? — переспросил незнакомец. — Семья — это когда никто никого не оставляет. Так ведь, старшая?

Матрёна вдруг замолчала.

Мия подошла к зеркалу почти вплотную.

— Тея, погляди.

— На что?

— Лампочка у девочки за спиной. Она три раза мигнула одинаково.

— И что с того?

— И бант на платье три раза шевельнулся одинаково. Как будто кто-то повторяет одно и то же.

Барс, уже собиравшийся с размаху стукнуть по стеклу, застыл с поднятым кулаком.

— То есть это кино? Старое, которое заело?

— Не знаю, — ответила Мия. — Только Искринка так не двигается. Смотри: она то закрывает лицо, то машет нам. По-настоящему.

В зеркале девочка снова подняла голову.

— Мама, ты ведь обещала вернуться.

Точно тем же голосом. С той же паузой перед словом «обещала».

Тея крепче прижала Варвару к ладони.

— Сначала разберёмся, — сказала она. — А потом будем кого-нибудь спасать.

— Она моя дочь, — произнесла Варвара. — Ты понимаешь, Тея? Моя.

— Понимаю. Поэтому и не дам тебе броситься неизвестно куда.

— Вот как? — вмешался безликий. — И старшая девочка тоже любит запирать тех, кто ей дорог?

Тея почувствовала, что краснеет. Ей очень хотелось возразить. Но ведь ещё вчера она сама решала за Мию и Барса почти всё.

— Я её держу, пока не выясню, настоящее ли это зеркало, — сказала она. — А потом спрошу Варвару, чего хочет она.

Безликий наклонил голову. Лица у него не было, но Тее почему-то показалось, что он усмехнулся.

— У вас есть время до последнего удара, — сказал он. — Потом моя дверь закроется.

Тук.

Зеркало потемнело.

Тея отступила. В нём снова отражались стол, лампа и три ребёнка. Только на стекле остался маленький след, похожий на отпечаток деревянной ладони.

И ещё одно: там, где отражалась Варвара, серебро на миг сделалось серым.

* * *

Первым заговорил Барс.

— Предлагаю разбить зеркало.

— Нет! — хором ответили Тея, Мия и Матрёна.

— Я только предложил. У нас свободное обсуждение, между прочим.

— Разбить всегда успеем, — сказала Тея. — Сперва надо понять, что случилось.

— А если оно опять заговорит?

— Тогда ты не будешь вести переговоры молотком.

— А чем? Лаской? «Зеркальце, голубчик, перестань воровать Матрёшек»?

Марфа одобрительно покачнулась:

— Между прочим, вежливость ещё никого не погубила. Не то что мои знакомые зеркала. Одно всю жизнь правду говорило — так его за это на чердак и сослали.

— Марфа, — попросила Матрёна, — не время свои истории городить.

— А что, мне теперь молчать и на мебель походить?

Варвара не смеялась. Она стояла на раскрытой ладони Теи и смотрела в чёрное стекло.

— Лида, — сказала Мия. — Так её зовут?

Варвара кивнула.

— Лидочка. Я зову её так с тех пор, как она научилась держать пальцем мой платок.

— Она жила давно? — спросил Барс.

— Давно.

— А где теперь?

Варвара сжала деревянные губы. Не потому, что боялась заплакать. Плакать Матрёшки не умели. Это одна из тех несправедливостей, над которыми Варвара прежде любила посмеиваться.

Теперь ей совсем не хотелось смеяться.

— Я не знаю, где она теперь, — ответила Варвара. — Знаю лишь, что в ту ночь больше её не увидела.

— Расскажи нам, — попросила Мия.

— Зачем? Подумать только, сколько лет я молчала, а тут явились трое следователей: один с узлом, другая с вопросами, третья всё слышит…

— Вообще-то следователь один, — поправил Барс. — Остальные — экспедиция.

Варвара неожиданно улыбнулась.

— Вот потому я и боюсь вам рассказывать. Сразу до истины доберётесь.

Она отвернулась от зеркала.

— Ладно. Слушайте. Только имейте в виду: в моей жизни встречались люди куда чуднее вас. И никто из них не поверил бы, что я когда-то жила внутри Матрёны.

— И правильно бы сделали, — заметила Матрёна. — Мне самой иногда не верится, что я тебя столько терплю.

Варвара вздохнула и начала.

* * *

Однажды очень давно она проснулась от желания уйти.

Не убежать от наказания и не доказать старшей сестре, что та ошибается. Просто увидеть, что там, за окном. Отчего у людей ноги, зачем они носят зонтики, почему можно купить булку хлеба за деньги, а нельзя — за добрый совет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.